

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АБОРИГЕНОВ И КРЕСТЬЯН ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ОБ УСЛОВИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА НА ЗЕМЛЮ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

О.М. Леттецкая

Томский государственный университет
E-mail: gymnasium26@tomsk.net

Характеризуются представления аборигенов и крестьян Томской губернии о праве собственности на земельные угодья. Выявляется сходство взглядов крестьян и аборигенов в определении условий возникновения имущественных прав на землю. Определяются факторы, способствовавшие закреплению в сознании этих категорий податного населения понимания своих особых прав на производственно-хозяйственные территории.

На протяжении длительного периода освоения сибирских пространств (XVII в. – XIX в.) политическая практика Российского государства в отношении инородческого землевладения носила охранительный характер, что было обусловлено, помимо идеологического и экономического интересом, связанным с поступлением в казну «мягкой рухляди» [1. С. 100]. В силу этого власть не только не ставила под сомнение права аборигенов на территории их исконного проживания, но и закрепляла различного рода документами: жалованными грамотами, «данными» воеводских канцелярий, решениями судебных инстанций, а с 1822 г. и «Уставом об управлении инородцев» «земли ими обитаемые» за коренными народами Сибири [2, §§ 20, 26, 28. С. 395–396]. В конфликтах между туземцами и русскими засельщиками административные и судебные органы конкретными решениями брали под защиту земельные владения ясачных людей [3. С. 112].

Выработанная российской властью и нашедшая практическое воплощение в конкретном взаимодействии с аборигенами Томской губернии охранительная политика не могла не оказать влияния на правовые взгляды автохтонов, способствуя четкой и устойчивой фиксации в сознании туземцев определенного понимания сущности отношений между государством и подданными по поводу землевладения и землепользования. В этой связи будет уместным привести свидетельство Е.С. Филимонова. В исследовании экономического быта инородцев северо-западной части Барабы он отмечал, что указ 1668 г., сохранявший за сибирскими аборигенами территории проживания и хозяйственного освоения, которыми они владели до прихода русских, «привел барабинских татар к мысли, что вся ясашная земля, на которой они жили исстари, есть ихняя собственность, и что на этих землях никто из русских не имеет права захватить себе участка земли под поселение», и все последующие такого рода государственные акты «не только не разубеждали татар в подобной мысли, но, по-видимому, еще более укрепляли» [4. С. 48].

Опубликованные материалы по исследованию земельных отношений в Томской губернии и многочисленные архивные источники свидетельствуют, что таким же образом характеризовались представления не только аборигенов Барабинской степи, но и автохтонов, проживавших в других районах губернии. На

пример, с 1850 по 1855 г. Томская Казенная палата рассматривала жалобу инородцев юрт Островных, Езангиных, Испавых и Водяных Верхне-Тогурской Порубежной волости на крестьян села Ново-Ильинского Кетской волости Нарымского края. В своем прошении инородцы объясняли, что крестьяне «отобрали у них промышленности, именно: 10 запорных истоков, от которых состоит все их продовольствие, 6 озер неводных, курью нельмью и муксунью, и где промысел стерлядей», кроме того «и сенокосные места отобрали и дали им самую малую и почти неспособную часть сенокоса». А находившийся при этом землемер, не только не препятствовал захвату, но «и отводил все это в прошлом 1849 году» в крестьянскую дачу, не слушая доверенных от инородцев. Кольванский окружной землемер Ромашов, поясняя факт положения формальных межевых знаков, отмечал, что угодья «коим решительно не знают никаких границ... все вообще инородцы не только за 5 или за 10 верст считают своими, но верст за сто и более, называют собственностью» [5. Л. 1 об., 17–17 об.]. Но подобные представления о правах на промысловые территории у селькупов зафиксировал еще Г.Ф. Миллер в 1740 г.: «...живущие на Оби остяки Коргульской волости считают низовья Чулыма на 11/2 дня пути на маленьких лодках вверх против течения своей собственностью» [6. С. 178].

И в начале XX в. в рапортах лесничих Томскому управлению земледелия и государственных имуществ о разбирательстве споров между различными категориями землепользователей неоднократно указывалось, что инородцы северных районов губернии рассматривали промысловые угодья как свою собственность. Так в 1905 г. лесничий Чулымского лесничества в своем донесении докладывал, что проживающие по р. Чулыму инородцы Больше-Байгульской и Мало-Байгульской Чулымско-остяцких волостей «пользуются бесплатно лесом для построек, дровами, сенокосными угодьями и рыбными промыслами, считая все это своей собственностью» [7. Л. 5].

Представления о сельскохозяйственных угодьях как о своих собственных владениях отмечались и среди инородцев, которые «ведут оседлый образ жизни, в физическом развитии не отличаются от крестьянского населения» [8. Л. 143 об.]. В 1882 г. крестьяне села Трубачева и деревни Жарковой Богородской волости Томского округа в поданном в Казенную палату прошении объясняли свой

длившийся с 1866 г. спор о землях с инородцами юрт Базанакowych Больше-Шегарской Инородной управы тем, что инородцы не желали подчиняться распоряжению о землепользовании в границах, установленных в 1853 г., и претендовали на принадлежащие крестьянам «сенокосные луга, считая таковые своей собственностью» [9. Л. 4–4 об.].

Отметим, что до русской колонизации коренным жителям, населявшим территории, впоследствии вошедшие в состав Томской губернии, не были чужды представления о собственности, в том числе и на земельные угодья [10. С. 59, 62, 75]. В начале XX в. исследователь земельно-правовых отношений у алтайских инородцев отмечал: «Инородческая масса знает только принцип народного, племенного владения, его она и защищает при внешних натисках» [11. С. 34]. Таким внешним натиском для аборигенов была русская колонизация, в условиях которой они отстаивали свои исключительные права на «родовые вотчины». Инородцы, опираясь на документы, которыми власть защищала аборигенное землевладение, законно полагали, что этими правовыми актами земельные угодья закрепляются в их исключительное владение. И охранительная политика государства в отношении инородческого землевладения способствовала утверждению среди аборигенов мнения, что их представления о собственных правах на производственно-хозяйственные территории совпадают с устремлениями власти по данному вопросу.

В этой связи представляется важным отметить следующее: во-первых, взгляды туземного населения Томской губернии на сущность отношений между государством и подданными по поводу занимаемых ими земельных угодий не противоречили той системе поземельных отношений, которая сложилась и функционировала в Сибири в связи с русской колонизацией; во-вторых, представления аборигенов, подкреплявшиеся документами, в том числе и самого высокого происхождения, во многом были сходны с пониманием сибирскими земледельцами своего права на землю, пониманием, корнями уходившем в традиции землепользования черносошного крестьянства Русского Севера, не знавшего крепостничества [12. С. 189]. Остановимся на этих моментах.

Прежде всего, обратим внимание на то, что охранительная политика Российского государства в отношении инородческого землевладения неотделима от поземельных отношений, которые характерны для системы государственного феодализма. Эта система предполагала закрепление надела за производителем на правах держателя с совокупностью обязательных отработок и платежей в пользу государства — верховного собственника земель. Подобная модель отношений между государством и крестьянством «черных» земель, существовавшая в европейской части страны к моменту русского продвижения на восток, с развитием колонизации и земледелия была перенесена и на новые территории за Уралом [13. С. 106–108]. Выступая верховным собственником всех присоединяемых земель в Сибири, государство и здесь за крестья-

нами и ясачными утверждало право на угодья, с которых отбывалось тягло и платился ясак. И если крестьянство рассматривалось правительством как главный поставщик хлеба для внутри сибирского потребления, то аборигены были главными поставщиками «мягкой рухляди» — основного наполнителя казны. И крестьяне, и ясачные люди отбывали свои повинности с земли, ибо земля отводилась за тягло. Именно в силу этого закреплялись земельные угодья за различными категориями податного населения. «Земля была основой платежеспособности и тягла, в то же время тягло означало закрепление за тяглецом земли», — отмечал В.И. Шунков [14. С. 67].

Но положение, при котором государство является собственником земли, а крестьянин за право пользования ею «тянет тягло», не противоречило взглядам тяглеца на землю как на свою собственность постольку, поскольку в нее был вложен труд либо свой собственный, либо дедов и отцов, и которой в силу этого он мог распоряжаться по своему усмотрению: продать, передать в аренду, заложить и т. д. [15. С. 108]. По этому поводу Е.С. Филимонов замечал: «И вот земледелец взялся за топор и начал расчищать под пашню лес, а вместе с тем, вложив труд на разработку гривы, начинал считать эту последнюю своею собственностью» [16. С. 21]. И такое понимание крестьянами-сибиряками сущности поземельных отношений соответствовало ценностным ориентациям производителя эпохи традиционного общества.

Как известно, каждому историческому типу общества присуща не только определенная экономическая система, но и определенная хозяйственная культура, которая, представляя собой систему ценностей, знаний и традиций, обеспечивает мотивацию и регуляцию хозяйственной деятельности человека, определяет форму ее осуществления и восприятия обществом. К числу таких ценностей относятся труд и собственность. Экономическая категория собственности выражает отношения между людьми по поводу владения, пользования и распоряжения производственными и непроизводственными объектами. Юридической формой закрепления экономических отношений собственности выступает право собственности, так как система права представляет собой инструмент, предназначенный для регулирования общественных отношений, в том числе и экономических. Право собственности означает закрепление в определенных границах свободы собственника владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, иными словами, совершать в его отношении любые действия [17. С. 307].

Но, во-первых, для крестьянства в условиях традиционного общества все правомочия собственности не разделялись, а были слиты воедино, т. е. право владения и право пользования автоматически представлялось и как право распоряжения земельными угодьями. И, во-вторых, в традиционном обществе земледелец отождествлял отношения собственности с предметом труда, а именно, с землей. Труд на земле «от века» для крестьянина означал, что земля и есть его собственность. Таким образом,

крестьянское землевладение в традиционных обществах было тесным образом связано с трудовым принципом [18. С. 27]. Что касается российского крестьянства, то представление о труде как первооснове имущественных прав на землю «архетипически присуще» его менталитету [19. С. 100]. И это фиксировало обычное право, согласно которому главным условием для предъявления прав на землю являлся труд на этой земле [20. С. 145].

В 1843 г. М. Геденштром писал: «В Сибири... крестьяне владеют тою землею, которою владели их предки...» [21. С. 47–48]. Давность владения и передача земельных угодий по наследству давали право землепользователям свободно распоряжаться сельскохозяйственными угодьями. Но в то же время, по понятиям земледельца, «оставить за собой навсегда можно только то, во что вложен труд, так как только труд, по народному обычному праву, и освящает собственность» [16. С. 20]. Право владения, пользования и распоряжения крестьянами-сибиряками ставилось в прямую зависимость от количества вложенного труда и срока давности использования земельного участка. Крестьяне деревни Поздняковой Бобарыкинской волости Томского уезда, пытаясь сохранить за собой все те земли, которыми они пользовались до начала проведения поземельно-устроительных работ в 1898 г., обратились в Томское Общее присутствие губернского управления. И доверенный крестьянин Василий Ефимов Жарков на первое место в обосновании прав на землю поставил не факт отграничения крестьянских наделов от владений казенного ведомства еще в середине XIX в., не 27 и 28 статьи «Положения о Сельских состояниях», в которых права крестьян этим отграничением подтверждались, а срок давности использования угодий и труд, вложенный предками для того, чтобы земля была пригодна для хлебопашества: «Наши предки поселились, где теперь стоит деревня Позднякова, около 200 лет, около 100 лет занимают земледелием... земля при поселении предков моих доверителей была необозримая тайга и болота, при обработке которой ими немало было положено на это физического труда, т. к. среди таежных пространств была масса разного векового леса и колодника (валежник), который они вырубали и корчевали пни, после этого только возможно было сеять хлеб» [22. Л. 174–174 об.].

Таким образом, хозяйственная культура крестьянина-сибиряка (а она была частным проявлением хозяйственной культуры вообще российских крестьян, основанной на общих чертах их мировосприятия и миропонимания) характеризовалась представлением о труде как главном условии владения, пользования и распоряжения земельными угодьями. Традиционное правосознание крестьян идентифицировало экономические отношения собственности с ее объектом в юридическом значении (с землей), что также согласовалось с трудовым принципом в определении прав на землю. При этом все правомочия собственности в сознании крестьян не имели четкого разграничения.

Для аборигенов так же, как и для крестьян, возделывание целины выступало гарантией безусловного владения окультуренной территорией. И относилось это правило к земельным угодьям различного хозяйственного назначения: пахотным, пастбищным, сенокосным, промысловым. Например, у инородцев Горного Алтая право отдельного хозяина на пахотные земли обуславливалось тем, что «самый захват и приведение захваченной земли в надлежащий вид требует предварительной затраты сил на производство расчистки будущей пашни от леса» Кроме того, сохранялась занимаемая территория за владельцем до тех пор, пока он «ею фактически пользуется, т. е. распахивает землю и производит на ней посевы» [23. С. 159]. Практика в отношении сенокосных угодий и у кочевых, и у оседлых инородцев этого района была такова, что каждый мог «захватить в свое пользование известный участок, огородив его, очистить от леса и пользоваться им пожизненно, передавая из поколения в поколение; однако, если он переставал пользоваться этим участком, что свидетельствует факт разрушения остожья, то в большинстве случаев предоставляется право другим членам рода занять его в свое пользование» [24. С. 18]. Исследуя кочевой и оседлый быт аборигенов Бийского уезда. С.П. Швецов отмечал, что в аилах по р. Малая Черга «сенокос, расчищенный от листвяга и проч., вообще на который предварительно затрачен труд, остается в пользовании того, кто его первоначально захватил и произвел расчистку». В районе горной черни (села Никольское, Ынырга, Паспаул), «где расчистка сенокоса от леса требует затраты больших сил», практиковалось предъявление прав на расчищенный, но оставленный прежним владельцем и занятый другим лицом сенокосный участок. И права первого признавались обществом. А мерилем доли, которую он вновь получал наряду с новым владельцем, становилось количество труда, «какой был затрачен первоначальным хозяином на расчистку места и приготовление сенокоса» [23. С. 155, 214]. И в Горном Алтае, и «в общинах Обь-Чулымской тайги право на пожизненное пользование сенокосом приобретает трудом, затраченным на расчистку, горюдбу или орошение угодья» [24. С. 18].

И в поземельных спорах инородцы, апеллируя к власти, обосновывали свои права трудовыми затратами, позволившими сделать землю плодородной и через это получать возможность кормиться и оплачивать подати. В 1892–1894 гг. в различных губернских и высших государственных инстанциях разбиралось дело о самовольном захвате крестьянами деревни Зубковой Карасукской волости Барнаульского округа пахотных и сенокосных мест инородцев деревни Осинниковой Кумышской Инородной управы 2-ой половины того же округа. В своем приговоре инородцы не только указали, что владеют землями от своих предков «согласно данному указу Ее Величества Екатерины II-ой 1764 года августа 4 дня», но особо подчеркнули, что «крестьяне самовольно и самоуправно засеяли наши трудовые «земли», залого

и пары 70 десятин, мякотей земли 130 дес. — самых дорогих для нашего существования, приобретенной тяжелыми трудами...». И доверенный от инородцев Иван Кирсантьев Милованов в прошении на имя Томского губернатора прямо указал, что «земли у нас были приготовлены трудами 200 дес., кои захватили крестьяне» [25. Л. 8, 10 об.].

В отношении охотничье-рыболовных территорий факт приложения труда к обзаведению хозяйством и созданию условий для развития промысловой деятельности инородцы считали достаточным основанием для признания за охотником или рыбопромышленником исключительного права на промысел в данном районе. Небезынтересно в этом отношении дело, рассматривавшееся в 1915 г. Управлением земледелия и государственных имуществ Томской губернии, куда поступило прошение от инородца юрт Ильдейских Киреевской волости Томского уезда Семена Петрова Ильдескова. Утверждая в своем прошении, что Кетское лесничество необоснованно сдало в арендное содержание рыболовные места по рекам Ангузету и Айковой, он пояснял: «И вот теперь я должен покинуть место, где жили и промыслили мои предки, должен разорить все хозяйство, создававшееся долгим и упорным трудом, уступить технические приспособления рыболовства новому хозяину, случайно снявшему это место в аренду на один год!». Обратим внимание, автор прошения в качестве аргумента на право владения рыболовным местом говорит о затраченном труде, тем самым определяя границы своей хозяйственной деятельности подготовленными им в данном месте специальными средствами для рыбного промысла. Поэтому Семен Ильдесков и ходатайствовал об отмене результатов торгов, ибо «под именем простого рыболовного места было продано место заселенное и оборудованное» [26. Л. 280–281].

Особо значимым аргументом в обосновании прав на семейно-родовые территории для аборигенов являлось право давности. В конфликтных ситуациях по поводу земельных угодий туземцы так же, как и сибирские крестьяне, ссылались на владение по давности. Но в отличие от крестьян давность для аборигенов определялась их исконным обитанием на сибирской земле (древние права), даже притом, что к концу XIX в. часть туземных сообществ утратила свои специфические этнические признаки в силу практически полной ассимиляции русскими. «Как прадеды, деды и родители наши, будучи прирожденными Сибирские инородцы...», — читаем в прошении доверенного от инородцев Шуйской управы [27. Л. 3]. Но сами шуйцы к моменту спора (1889 г.) о землях с крестьянами деревни Лебедевой Тарминской волости Кузнецкого округа отличались от русских, с которыми вместе проживали, только своей сословной принадлежностью, ибо в этнокультурном и бытовом плане полностью обрусели. Как указывалось в статистических сведениях, они «говорят на русском языке» [28. Л. 701] и «по образу жизни, занятиям и вероисповеданию ничем не отличаются в настоящее время от крестьян» [29. Л. 36 об.].

Подобный довод (владение землями до появления в Сибири русских) наряду с добровольным вхождением в российское подданство и получением грамоты от царя Бориса Годунова приводили эштинские татары в прошении 1805 г. Они указывали, что «бывший их князец Тоян Ерманчиев и прадеды, деды и отцы их до поселения еще города Томска жили в Сибири, где ныне существует Томская губерния, за Томью рекою по течению оной на левой стороне своим городком, и владели землями и сенокосными покосами» [30. Л. 59]. Владение по давности в качестве доказательства прав на охотничье-рыболовные угодья использовали и инородцы-промысловики. В 1845 г., оспаривая у крестьян право владения рыболовными тонями на правом берегу Оби, инородцы 1-ой Нижнеподгородней волости в своем прошении на имя губернатора указывали, что «селение их основано на водотопном месте, при котором роды их, а по ним и они, просители, издревле ловили рыбу» [31. Л. 6 об.]. В объяснительной бывшего инородческого старшины Дмитрия Трескулова о рыбном промысле инородцев юрт Лашковых в озере «Садина» пояснялось: «... озеро Садина издревле принадлежит инородцам юрт Лашковых Мало-Байгульской Чулымско-остяцкой волости. В нем инородцы сыстари промыслили рыбу...». И в приговоре схода инородцев Больше-Байгульской Чулымско-остяцкой волости Томского уезда в марте 1907 г. доказывалось право на владение рыболовными местами по реке Чулым тем, что «владели с незапамятных времен наши отцы, деды, прадеды и дальнейшие их предки». Тот же Семен Ильдесков несколько раз повторил в своем прошении, что рыбные ловли являются его владением еще и потому, что «занято давно уже мной и перешло ко мне от моего отца, которому досталось от своего отца и т. д.» [26. Л. 57 об., 75, 280].

Алтайские инородцы, объясняя сохранение за ними всех угодий фактом своего добровольного подчинения Российскому государству и подчеркивая, что «принесли... с собою государству земли, которыми они пользовались», определяли отношение к власти и к земле следующей дихотомией: «Мы подданные русского царя и закону не противны, а земли наши по древним нашим правам». Эти древние права для инородцев определялись тем, что еще до прихода русских, а это по временным рамкам было гораздо продолжительнее, чем состояние аборигенов в подданстве российских монархов, земля находилась в их владении и пользовании. И само это исконное владение и пользование землями имело в глазах инородцев «силу неотразимости, доказательности и убедительности», не имевшую никакого сравнения с различными актами на земли, выданными органами власти даже самого высокого уровня [11. С. 28, 37–38].

Следовательно, и факт владения и пользования землей (ее хозяйственного освоения) задолго до русской колонизации, и то, что земли с проникновением русских в Сибирь не только не отбирались у асачных, но подлежали по государственному уста-

новлению охране, а также пожалования «на вечные времена», — все это в совокупности не могло не убеждать коренных жителей в правильности своего понимания взаимоотношений между властью и подданными по поводу занимаемых ими промысловых и сельскохозяйственных угодий. Аборигены считали обитаемые ими земли своими владениями, на которые никто не имел права посягать, в том числе и верховная власть.

Таким образом, можно говорить о том, что представления автохтонов Томской губернии в определении условий, при которых был возможен весь комплекс правомочий собственности в отношении земли, имели определенное сходство с представлениями крестьян. Как и русские крестьяне, томские автохтоны главными предпосылками принадлежности сельскохозяйственной или промысловой тер-

ритории тому или иному лицу или сообществу считали приложение труда к данному земельному участку и давность его эксплуатации. Иными словами, такой основополагающей ценности хозяйственной культуры как собственность и те, и другие придавали одинаковое значение, идентифицируя ее с обрабатываемыми и используемыми для земледелия, скотоводства и промыслов территориями, поскольку для подготовки их к производственной деятельности был затрачен труд. Кроме того, и крестьяне, и инородцы увязывали право владения, пользования и распоряжения сельскохозяйственными и промысловыми угодьями с правом давности хозяйственного освоения конкретного земельного участка, с той существенной разницей, что туземцы подчеркивали древность своих прав на «земли ими обитаемые» как исконные жители края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII – XIX веках. – Томск: Изд-во ТПУ, 1999. – 432 с.
2. Высочайше утвержденный 22 июля 1822 г. Устав об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – СПб., 1830. – Т. XXXVIII. 1822–1823 гг. Ч. I. Гл. IV, V. §§ 20, 26, 28. – 1354 с.
3. Леттецкая О.М. Трансформация аграрных отношений у аборигенов Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Матер. Междунар. научно-практ. конф. Вып. 5 / Под ред. М.А. Демина, Т.К. Шегловой. – Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003. – С. 111–117.
4. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы, или Спасского участка Каинского округа Томской губернии. Исследование Е.С. Филимонова. – СПб., 1892. – Вып. XVII. – 192 с.
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 144. Оп. 1. Д. 385.
6. Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. История Сибири. Первоисточники. – Новосибирск: Научно-изд. центр «Сибирский хронограф», 1996. – Вып. VI. – 312 с.
7. ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 486.
8. ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 10.
9. ГАТО. Ф. 144. Оп. 2. Д. 329.
10. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета. Серия историческая. – Томск, 1950. – Т. 112. – С. 23–210.
11. Земельно-правовые отношения инородцев на Алтае // Сибирские Вопросы. – 1908. – № 47–48. – С. 21–51.
12. Преображенский А.А. Урал и Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. – М.: Наука, 1972. – 392 с.
13. Александров В.А. Проблематика системы государственного феодализма в Сибири XVII века // История СССР. – 1977. – № 1. – С. 97–108.
14. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII века // Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. – М.: Наука, 1974. – С. 25–192.
15. Громько М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и сельскохозяйственное освоение. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1965. – 265 с.
16. Филимонов Е.С. Материалы по вопросу об эволюции землевладения. Формы волостного землевладения в Северо-Западной Барабе. – Пермь, 1895. – Вып. 1. – 62 с.
17. Кашанина Т.В., Кашанин А.В. Право и экономика. – М.: Вита-Пресс, 2000. – 608 с.
18. Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Матер. Междунар. конф. – М.: Росс. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 23–39.
19. Яхшиян О.Я. Собственность в менталитете русских крестьян (попытка конкретно-исторической реконструкции на основе материалов исследований русского обычного права, литературных описаний деревенской жизни второй половины XIX – первой четверти XX вв. и крестьянских писем 1920-х гг.) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): Матер. Междунар. конф. – М.: Росс. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 92–105.
20. Лурье С.В. Как погибла русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация: Сб. ст. / Отв. ред. Ю.Г. Александров, С.А. Панарин. – М.: Наука, 1993. – С. 136–173.
21. Миненко Н.А. Землепользование государственных крестьян Западной Сибири во второй четверти XIX века // Земледельческое и промышленное освоение Сибири. XVII – начало XX в.: Межвуз. сб. научных трудов / Редколлегия: Е.И. Соловьева (отв. ред.) и др. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1985. – С. 45–57.
22. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4113.
23. Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда. Составил С.П. Швецов. – Барнаул, 1900. – Т. 1. – Вып. 1. – 164 с.
24. Солдатов В. Формы общинного землепользования в Томской губернии // Сибирский наблюдатель. – 1904. – Кн. 9–10. – С. 11–22.
25. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 348.
26. ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 486.
27. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 33.
28. ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 135.
29. ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 10.
30. ГАТО. Ф. 144. Оп. 2. Д. 2.
31. ГАТО. Ф. 144. Оп. 2. Д. 76.

Поступила 28.11.2006 г.